

— Тогда я ухожу, ты...

Янь Янь даже не мог смотреть в глаза Се Линьюаню, которые, казалось, видели его насквозь. Он отвернулся.

— Живи хорошо.

Се Линьюань не ответил, лишь, держа цитру, грациозно прошёл мимо и поклонился:

— Господин, хотите послушать мелодию? Мы снова расстаёмся, и неизвестно, когда увидимся в следующий раз. Я сыграю для вас, хорошо?

Янь Янь смотрел на Се Линьюаня и не мог произнести ни слова отказа. Слово «хорошо» вырвалось само собой, и он лишь осознал это, когда печальные звуки струн уже начали разливаться в барьере.

— «Печальная песня может стать плачем, взгляд вдаль — возвращением домой. Вдали от родных, в тоске и печали. Хочу вернуться домой, но нет никого. Хочу переплыть реку, но нет лодки. Сердце не может высказать, в животе колесо крутится».

— Красиво?

— Красиво.

— Пару дней назад меня научил один господин по фамилии Яо. Он ничего не делает, только слушает мелодии.

Се Линьюань улыбнулся, и в его взгляде появился лёгкий намёк на кокетство.

— Господин, в будущем, чтобы я сыграл, потребуется целое состояние. Сегодня вам повезло.

Янь Янь почувствовал горечь в сердце:

— Не говори так, тебе всего двенадцать.

Се Линьюань удивлённо посмотрел на него, затем спокойно улыбнулся:

— Да, мне уже двенадцать.

— Господин, увидимся, если будет судьба.

Янь Янь стоял, в его сердце была тысяча слов, но он не мог произнести ни одного.

— Хорошо.

Янь Янь надеялся, что барьер, созданный для Се Линьюаня, больше никогда не откроется. Не потому что он не мог вынести, а потому что ему было стыдно.

Со временем всё забудется, эта вина, это сострадание, всё исчезнет.

Но Се Линьюань сказал ему, что этого не будет.

Се Линьюань всё больше и больше унижал себя, снова и снова. Янь Янь хотел видеть его, боялся видеть его, но был вынужден видеть. Он наблюдал, как тот день и ночь поёт и танцует,

как искусно улыбается и льстит. Он стал самой грязной и неприглядной частью города Яо, но при этом его улыбка была предметом борьбы среди тех, кто презирал его. Он был тем, кого одновременно презирали и жаждали. Се Линьюань давно понял, что когда мораль и желания не соответствуют друг другу, человек либо лицемерит, либо опускается.

Пока в пятнадцать лет его не похитили варвары, подвергли унижениям и издевательствам, но он всё равно продолжал верить. Он не чувствовал себя измученным, но Янь Янь уже не мог этого выносить.

Се Линьюань стоял обнажённый перед Янь Янем, не стесняясь. Он дрожащим шагом подошёл к нему, в глазах была пелена, но на губах играла мягкая улыбка:

— Господин, ты тоже хочешь меня? Линьюань может дать тебе это в знак благодарности, только не презирай меня.

— Се Линьюань!

Рука Янь Яня поднялась, но он не мог ударить его. У него не было права учить человека, который изо всех сил старался выжить.

Янь Янь снял свой плащ и накинул на него:

— Остановись.

— Если бы я мог остановиться, разве я бы продолжал? Но скажи, у меня есть выбор? Без маски я могу сопротивляться своей судьбе? А с маской, если я улыбнусь принцу, хорошо его обслужу, может, он меня и отпустит.

— Разве жизнь так важна!

Янь Янь закричал.

— Если ради жизни нужно унижать себя, то зачем вообще жить!

— Да!

Упрямо посмотрел на него Се Линьюань, дрожащим голосом сказал:

— Ты думаешь, я живу как трус? Но всё, что я делал, было ради того, чтобы выжить! Хотя я не знаю, зачем жить, но если я просто умру, я не смогу смириться!

— Если я умру, кто вспомнит, кто причинил мне боль? Кто раскается? Кто будет наказан? Они выбросят моё тело в пустыню и будут топтать следующего ничтожества! Я знаю, моя жизнь ничего не стоит, я умру, но я должен найти кого-то, кто пойдёт со мной.

Взгляд Се Линьюаня был холодным и полным ненависти, с горькой яростью он улыбнулся.

— Чтобы мне не было одиноко в аду.

— Сяо Юань...

Сердце Янь Яня разрывалось от боли. Он осторожно положил руку на дрожащее плечо Се Линьюаня, мягко обнял его. Се Линьюань не сопротивлялся, схватился за его одежду и зарыдал, срывающимся голосом повторяя:

— Помоги... помоги...

Кроме беспомощного «хорошо», Янь Янь ничего не мог сказать.

В тот день Се Линъюань сказал Янь Яню, что ему нравится имя Сяо Юань.

Шесть лет в городе Яо были достаточны, чтобы ребёнок вырос, и чтобы ненависть проникла в его кости.

Даже когда он вырос, ему было всего пятнадцать.

Город Яо.

Холодный, мрачный, зловещий. Этот город не видел солнца.

Пять лет назад все его жители, от мала до велика, погибли, никто не выжил.

Се Линъюань ненавидел эти воспоминания и ненавидел себя прежнего, поэтому он готов был пойти на всё, чтобы уничтожить всё здесь самым жестоким и грязным способом.

Се Линъюань был связан, стоя на коленях, не мог пошевелиться, чёрные волосы закрывали лицо, он выглядел слабым и измученным. В груди он спрятал нефритовую шпильку, думая о своей возлюбленной. До конца оставалось три месяца, и он изо всех сил старался сохранить ясность ума. Он ждал, верил, что Янь Янь придёт за ним.

— Этот дурак сейчас, наверное, сходит с ума от беспокойства.

Се Линъюань подумал о Янь Яне и невольно улыбнулся.

— Се Линъюань, ты на пороге смерти, а ты ещё смеешь улыбаться!

Сун Чжи пнул его, и тот упал на землю.

Се Линъюань рассмеялся:

— Кто это? О, это ты, старый хрыч. Что, господин Сун, в твоём возрасте ещё есть эти извращённые наклонности?

— Я... я убью тебя!

С этими словами Сун Чжи схватил Се Линъюаня за голову и хотел ударить о землю.

— Остановись! Этот человек мне нужен.

Знакомый голос раздался, и Се Линъюань слегка пошевелил ушами, улыбнувшись:

— Кто это там загадочный? О, это же господин Янь Чи, или, прости, я забыл, что ты больше не господин.

Янь Чи ненавидел, когда напоминали о его изгнании из Дворца Юйи, и сразу же разозлился:

— Се Линъюань, не думай, что я не могу тебя убить!

Се Линъюань усмехнулся:

— Извини, Янь Чи, но я действительно так думаю. По крайней мере, сейчас ты меня не убьёшь. Иначе ты бы не остановил его, правда?

— Ты самозванный король демонов, просто обезьяна, которая вообразила себя царём зверей. Ты, изгнанный чиновник Инь, здесь устроил себе царство, тебе не смешно?

— Заткнись!

Янь Чи ударил Се Линьюаня, повалил его на землю, схватил за волосы и злобно сказал:

— Посмотрим, сможешь ли ты так же дерзко говорить, когда призрачный гу начнёт действовать!

Се Линьюань усмехнулся:

— Янь Чи, ты уверен? Как только призрачный гу начнёт действовать, я погружусь в сон, и тогда зрачки преисподней станут бесполезны. Твоё бедствие останется непреодоленным.

— Преодоление бедствия? Ты думаешь, я схватил тебя ради этого?

Янь Чи усмехнулся.

— После изгнания из Дворца Юйи я больше не могу продолжать практику, это бедствие непреодолимо, я обречён, понимаешь?

Се Линьюань рассмеялся:

— Вот как? Тогда мне действительно жаль тебя. Но почему ты не убиваешь меня?

— Почему?

Янь Чи сжал его подбородок и шепнул на ухо:

— Я жду Янь Яня.

— Ха, Янь Янь не может меня убить, потому что гу внутри моего тела. Если я умру, гу исчезнет, и проклятие никогда не будет снято. Но...

Янь Чи заметил, как на лице Се Линьюаня промелькнул страх, и, приблизившись к его лицу, зловеще сказал:

— Се Линьюань, угадай, согласится ли это ничтожество на мои условия, чтобы спасти тебя?

— Ты хочешь его смерти?

— Нет, нет, его смерть была бы скучной.

Янь Чи усмехнулся.

— Куда интереснее смотреть, как вы мучаете друг друга. Тем более, не трать зря своё тело с зрачками преисподней, Янь Янь будет страдать так, что ты почувствуешь его боль.

— Что ты задумал?

Се Линьюань попытался встать, но Янь Чи снова прижал его к земле.

— Ничего особенного. Ты уже почувствовал действие гу, и я думаю, что, раз он так тебя любит, он согласится взять твои муки на себя...

Янь Чи легонько поднял подбородок Се Линъюаня.

— Не так ли?

<http://bllate.org/book/15548/1413642>